

В Мелихове опять весна

А. П. Чехов с женой О. Л. Книппер. (1901 год).

ПРОШЕЛ теплый весенний дождь, и примолкнувшие было птицы вновь защелкали на все лады. Все ожило, заулыбалось в лучах майского ласкового солнца. И даже высоченные берлинские тополя, старожилы Мелихова, кажутся помолодевшими.

Семидесятую весну встречает Мелихово без Чехова. Но мы еще и еще раз приезжаем сюда, надеясь на чудо. Все здесь напоминает о нем: и бездонное голубое небо, и молчаливые вековые липы, и старенький с цветными окошками флигелек.

Невольно вспоминаешь фотографию этого маленького домика, которую Антон Павлович подарил молодой актрисе Книппер, сделав на обороте такую надпись: «Мой дом, где была написана «Чайка». Это тоже случилось весной. Весной 1899 года.

Он увидел ее впервые в сентябре 1898 года на репетиции «Чайки» в Московском Художественном театре, а через несколько дней — в спектакле «Царь Федор Иоанович», где Книппер играла царицу Ирину. Впечатление от встречи надолго запало ему в сердце. Вынужденный жить зимой в Ялте, он оттуда пишет Суворину: «Я был на репетиции «Федора Иоановича». Меня приятно тронула интеллигентность тона, и со сцены повеяло настоящим искусством, хотя играли и не великие таланты. Ирина, по-моему, великолепна. Голос, благородство, задушевность — так хорошо, что даже в горле чешется. Если бы я остался в Москве, то влюбился бы в эту Ирину».

Так оно и случилось. Вернувшись в Москву, он сразу идет к ней с визитом. «...В первый день Пасхи, — вспоминала Книппер, — пришел вдруг Чехов с визитом, он, никуда и никогда не ходивший в гости». «В солнечный весенний день мы пошли с ним на выставку картин смотреть Левитана, его друга...»

Это уже на другой день. Встречи становятся частыми. И обоим хорошо и радостно от этих свиданий, от этой ошеломляющей, солнечной весны.

Первого мая специально для Чехова артисты Московского Художественного театра играли «Чайку». «Постановка изумительная. Все участвовавшие в «Чайке» снялись вместе со мной; вышла интересная группа», — пишет Чехов из Мелихова, куда он уехал спустя несколько дней после спектакля.

В Мелихове его давно ждали. Все здесь было как и прежде: горласто кричали грачи, озабоченные поисками пищи для своих беспомощных птенцов, атели тюльпаны, готовилась зацвести персидская сирень, посаженная им ровно семь лет назад. Антон Павлович прошел по саду, словно здороваясь с ним, и остановился возле молодых берлинских топольков, подставивших солнцу свои нежно-зеленые листочки. Их он видел в первый раз. Топольки были новоселами. Прошлой осенью их посадил отец, Павел Егорович. Ему не довелось взглянуть на них весной. Все в Мелихове было по-прежнему, только не стало отца.

С грустью подумал Чехов, что Мелихово придется продавать. Слишком о многом напоминало оно всем, особенно матери, которая тяжело переживала кончину Павла Егоровича.

ДНИ БЫЛИ заполнены до предела. Антон Павлович читал корректуру, редактировал свои старые произведения. Шла подготовка к изданию полного собрания сочинений. От работы отрывали беспрерывно. Приходили больные, которым доктор Чехов никак не мог отказать в помощи. Приходили столяры, плотники, каменщики: Чехов опять затеял строительство школы для деревенской бедноты. На сей раз в Мелихове. Но вскоре все дела пришлось отложить в сторону. Погостите в Мелихове приехала актриса Книппер. Веселая, красивая, жизнерадостная, она принесла с собой искреннее веселье и смех. Она сразу покорила всех домашних. На Книппер смотрели с восторгом, ею любовались. Гостеприимный хозяин, Антон Павлович показывал актрисе свой вишневый сад. Сад был белый, казалось, он окутан прозрачной подвенечной фатой. Деревья роняли белые лепестки на согретую солнцем землю, и она тоже становилась белой. О чем они говорили тогда? Наверно, ни о чем серьезном. Он был весел и остроумен, ей тоже было хорошо. И оба уже понимали, что в жизнь их вошло новое, огромное, похожее на этот цветущий сад, чувство.

Вечером притомившаяся с дороги Книппер уютно расположилась в кресле с книгой в руке. Заботливая Евгения Яковлевна, мать писателя, принесла ей горшочек со сметаной — полакомиться. Увлеченная чтением, Книппер машинально ела сметану большой деревянной ложкой. В эту минуту и сфотографировал ее один из гостей.

Через два дня актриса уезжала в Москву. Накапывал дождь, внезапно похолодало, и казалось, что весна кончилась. Лошади были поданы, надо торопиться — и тут на крыльцо большого дома вышел Чехов. «На память о Мелихове», — шепнул он, лукаво улыбаясь и подавая Ольге Леонардовне фотографию. На ней была изображена Книппер, читающая книгу. На обороте чеховским почерком было написано: «Актриса Книппер, пожирающая чеховские рассказы и чеховскую сметану».

Вскоре она напишет Марии Павловне, своей новой подруге, что уезжает на Кавказ, на дачу.

Все снова вошло в обычную колею: корректура, постройка школы, больные. Но все чаще и чаще Чехов вспоминает Книппер, все непреодолимее становится желание вновь увидеть ее.

В НАЧАЛЕ июня Ольга Леонардовна получила из Мелихова письмо. Его первое письмо к ней, шутивное и немножко грустное: «Здравствуйте, последняя страница моей жизни, великая актриса земли русской! Я завидую черкесам, которые видят Вас каждый день. Нового ничего нет и нет... Комаров нет. Смородину съели воробьи. Желаю чудесного настроения и пленительных снов».

Боясь, что адрес неточен, Чехов на следующий день отправляет ей письмо по другому адресу, в Мцхет:

«Что же это значит? Где Вы? Вы так упорно не шлете о себе вестей, что мы совершенно теряемся в догадках и уже начинаем думать, что Вы забыли нас и вышли на Кавказе замуж. Если в самом деле вышли, то за кого? Не решились ли Вы оставить сцену? Автор забыт — о, как это ужасно, как жестоко, как вероломно! Я хотел тогда проводить Вас на вокзал, но, к счастью, пошел дождь».

Он готов ехать к ней. Ему нужно, чтобы она была рядом и поэтому, когда Книппер предлагает путешествовать вместе, он сразу же соглашается, хотя и в шуточной форме: «...писатель Чехов не забыл актрисы Книппер, — уверяет он. — Мало того, Ваше предложение поехать вместе из Батума в Ялту кажется ему очаровательным. Я поеду, но с условием...», что Вы не вскружите мне голову». И тут же, погрузившись: «Мы продаем Мелихово».

Чехов посылает Книппер телеграмму, договаривается о встрече. Они вместе едут на пароходе в Ялту. Яркие, забываемые дни!

Потом снова разлука, долгая, на всю зиму. Из Ялты, из-за границы он напишет ей много писем, придумает много шуточных и ласковых прозвищ для нее. Но вот однажды она получит это письмо и задохнется от счастья, почувствовав сразу, что он теперь самый дорогой для нее человек на всем белом свете.

«Милая моя Оля, радость моя, здравствуй! Сегодня получил от тебя письмо, первое после твоего отъезда, прочел, потом еще раз прочел и вот пишу тебе, моя актриса... Мне все кажется, что отворится сейчас дверь и войдешь ты. Но ты не войдешь, ты теперь на репетициях...»

Она отложит письмо в сторону и закроет глаза. И вспомнится ей их первая весна, Мелихово, наполненное ароматом пробуждающейся земли, гортанные крики грачей и голубое, без единого облачка, небо.

...Семьдесят лет минуло с той поры, но каждый год, как и прежде, в Мелихове приходит весна.

В. МИХЕЕВА,
научный сотрудник музея-заповедника А. П. Чехова
с. Мелихово.